

УДК 811.161.1

ПРОБЛЕМА «ДУХОВНОГО ЯЗЫКА» XVIII ВЕКА

Н.Г. Николаева

Аннотация

Статья посвящена особенностям языка богословской переводной литературы XVIII века как переломного этапа в истории славяно-книжной письменности. Центральная проблема статьи рассматривается в аспекте формирования стилистической системы литературного языка в современном ее понимании. Актуальность темы связана с тем, что некоторые вопросы стиля богословской литературы остаются нерешенными до сих пор.

Ключевые слова: византийское богословие, славянские Ареопагитики, история церковнославянского языка, сложение стилистической системы.

Начало сложения современной стилистической системы русского литературного языка можно отнести к XVIII веку. Ему предшествовала долгая история бытования текста-образца, включавшего в себя жанрово-стилистические характеристики и функционировавшего как стилистическая норма. Постепенно единство текст-стиль-жанр распадается, и параллельно с этим меняется отношение к слову. Особенно наглядно эти процессы можно продемонстрировать на примере переводных текстов, в ходе создания которых возникла еще одна проблема – проблема соотношения с оригинальным текстом. В разные периоды истории славянской книжности этот вопрос решался по-разному, но в рамках неоплатонической теории образа, лежащей в основании средневековой концепции перевода. Переводчики на славянский язык, следуя пословному принципу перевода, отдавали предпочтение созданию сходных (подобных) образов, но понимание этого подобия у них было разным. Первые славянские переводчики создавали подобный **образ синтагмы**, в пределах которой они допускали формальные расхождения с греческим оригиналом при обязательном сохранении общего смысла. Переводчики эпохи Московской Руси демонстрируют двойной подход к проблеме сущности и образа: в греческом тексте они видели прежде всего не образ (идеального языка), а сущность, образ которой они должны были воссоздать; когда же они делали свой выбор в пользу какого-то слова или конструкции родного языка (как соответствия греческому оригиналу), они соотносили их уже с идеальным миром эйдосов. Таким образом, их задачей было воссоздать **образ текста** в целом, а не образ отдельного слова, которое хотя еще синтагменно обусловлено, но функционирует уже свободнее, поскольку границы синтагмы уже не столь строго определены и склонны к расширению. В переводах, сделанных в конце XVII в. представителями культурно-идеологи-

ческого течения грекофилов, мы наблюдаем более буквальное следование оригинальному тексту, поскольку для переводчиков этого направления задача заключается в том, чтобы сохранить (и воссоздать) **образ слова** (каждого отдельного слова текста-прообраза), что в конечном итоге разрушает эстетику текстопостроения. И только позднейшие переводы (XVIII века) отходят от теории образа в широком смысле, при этом сближаясь с ее узким пониманием (почерпнутым из знаменитой цитаты Ареопагита, отраженной в не менее знаменитом Прологе Иоанна экзарха Болгарского): главное – передать смысл текста оригинала. К этому времени происходит окончательное распадение прежнего синкретичного единства текст-стиль-жанр. Уже в XVII в. мы наблюдаем вычленение из этого единства стиля, который формируется для определенного тексто-жанрового единства, при этом именно стиль играет здесь ведущую роль. Сквозь призму формирующегося стиля взгляд писателя (переводчика) направлен на тексто-жанровое единство. В XVIII в. это единство распадается, и теперь жанр определяет стилистические особенности текста. И задачей автора становится воссоздать **образ стиля**.

Но XVIII век поднимает и новые проблемы перевода богословских памятников, одну из которых предполагается обсудить в данной статье. Это проблема сущности так называемого «духовного языка», то есть языка церковных текстов, в XVIII – XIX вв.

Материалом для исследования послужили переводы двух богословских сочинений – корпуса трактатов Псевдо-Дионисия Ареопагита и «Богословия» Иоанна Дамаскина. Один из переводов Ареопагитик принадлежит Паисию Величковскому (известен по рукописи ГИМ, Симон. собр. № 5), другой создан анонимным автором (хранится в РГБ, ф. 178 № 1345). Еще один перевод трактата «О таинственном богословии» Д.И. Дмитриевского известен по рукописи РГАДА (ф. 181, № 957/1523). Более показательным для исследования общих вопросов истории русского литературно языка нам представляется перевод, сделанный иеромонахом Моисеем (Гумилевским). Это были первые печатные русские Ареопагитики, вернее их «иерархическая» часть – два трактата об иерархиях: «О небесном священноначалии» и «О церковном священноначалии». «Богословие» Иоанна Дамаскина в XVIII в. переводилось минимум трижды [1, с. 32], но, пожалуй, самое интересное для нас переложение – преподобного Паисия Величковского, переведившего и Ареопагитики, – до нас не дошло. Однако нам хорошо известны переводческие установки Паисия по записям, которые он оставил в других своих трудах, так что можно с уверенностью предполагать последовательность в применении этих правил на практике и, стало быть, единство переводческих приемов, используемых в переложении Ареопагитик и «Богословия». По языковым особенностям со школой Паисия Величковского сближается и другой перевод «Богословия», выполненный архиепископом Московским Амвросием. Близость состоит не в употреблении конкретных форм, а в общем понимании правильного церковнославянского языка, приличествующего такого типа текстам, в возвращении к традициям.

Эти переводы – как в совокупности, так и каждый из них в отдельности – отражают все метания, которые переживала духовная литература в то время. По В.М. Живову, духовная литература должна была выбрать между языком

церковнославянским (понимаемым как язык узкой сферы богослужения и церковных книг) и новым литературным языком, вобравшим в себя элементы как секулярного языка, так и церковной традиции, – так называемым «славенороссийским» [2, с. 377]. Переводы богословской литературы, выполненные в XVIII в., отражают эту непростую ситуацию выбора.

Выбор проходил между тремя возможными направлениями развития духовного языка: во-первых, сохранение его церковнославянской основы (школа Паисия Величковского, перевод Амвросия, архиепископа Московского); во-вторых, незначительная «русификация» памятника, прежде всего в его лексическом составе (перевод по рукописи РГБ, ф. 178 № 1345); в-третьих, переход богословской литературы на использование русского литературного языка (например, перевод о. Моисея). Нужно учитывать, что в силу самого генезиса русского литературного языка эти три возможности не означали расходящиеся направления, а были скорее параллельными дорогами на пути становления стилистической системы литературного языка.

Основным вопросом в рассмотрении переводов XVIII века остается следующий: написаны ли эти переводы на одном или разных языках? Можно ли говорить о двуязычии (церковнославянский/русский) применительно к этому периоду? И если можно, то в чем оно проявляется и какие области затрагивает? XVIII век вошел в историю как век осмысления «трех штилей» (Ломоносов). Как объединить стилистическую дифференциацию русского литературного языка с сосуществованием практически однородного церковнославянского? Попытаемся наметить пунктиром пути решения этих вопросов.

Сторонники двуязычия полагают, что «языковую ситуацию XI – XIV вв. вернее всего было бы определить как не до конца реализованное двуязычие, двуязычие *in potentia*, складывавшееся в условиях поляризованного и иерархизированного языкового континуума. Превращение двуязычия *in potentia* в двуязычие *in actu* растянулось на четыре столетия (XV – XVIII вв.). Этот процесс объединил две ведущие тенденции, которые <...> выражают разные стороны одного и того же исторического движения. Первая связана с постепенным распадением единого языкового континуума на социокультурное многоязычие <...>. Важнейшим этапом на этом пути стало отделение языка церкви <...>. Вторая тенденция связана с формированием языка официального быта, который складывался через интеграцию языковых элементов, характерных для самых разных уровней жанрово-иерархической структуры русского средневековья. Решающее значение в истории универсального языка письменного общения имел синтез русского и церковнославянского начал на самых разных уровнях <...>» [3, р. 297–298]. Таким образом, признается, что к концу XVIII века с отмиранием «гибридного церковнославянского», классический церковнославянский стал малопонятным языком, обслуживающим церковный культ [3, р. 297–298]. Иначе говоря, так называемый «гибридный церковнославянский» был своеобразной попыткой оживить застывшую форму этого языка, сохранить его хотя бы в определенном, надо сказать достаточно широком в то время, круге духовной литературы. Но попытка потерпела неудачу вследствие живых языковых процессов.

Материал богословских памятников показывает, что в сфере духовной литературы ситуация разворачивалась не всегда по этому сценарию. Во-первых,

рассматриваемые переводы в общем и целом почти не затронула стадия «гибридности». Те незначительные явления языковой «порчи» в сфере грамматики, которые можно отметить в некоторых из них, не выходят за рамки допустимых вариантов и ошибок, встречающихся в рукописях предыдущих веков. Во-вторых, в конце XVIII в., когда церковнославянский должен был ограничить свое функционирование традицией и потребностями отправления культа, он вдруг воплощается – при этом в своей гиперкорректной форме – в переводах текстов не богослужебных, а богословских. Эта тенденция будет продолжаться и в первой трети XIX в.

Немецкие слависты Х. Кайперт и Д. Фрайданк предлагают перевести рассмотрение проблемы в социокультурную и функциональную сферу, чтобы решить сложный вопрос церковнославянской традиции в XVIII в. Д. Фрайданк, который считает русский язык «самым церковнославянским» из всех славянских литературных языков, пишет: «Если мы спросим, где в языковом сознании XVIII века пролегла граница между церковнославянским и не-церковнославянским, то мы должны привлекать не стилистически или даже фонетически маркированные славянизмы, а фактор текста или контекста. <...> “Истинный” является церковнославянизмом до тех пор, пока он вызывает такие ассоциации, как “свет истинный”, “вера истинная” <...>. “Истинный” перестает быть церковнославянизмом в случаях, когда оно встречается в сочетаниях “истинный друг”, “истинное намерение”» [4, S. 348].

Эта цитата как будто бы является ответом на вопрос Х. Кайперта о том, насколько язык святоотеческой славянской литературы был связующим звеном между средневековым книжным и современным русским языком [5, S. 342]. Следует отметить, что немецкий славист видит ярким примером такого «связующего звена» русские Ареопагитики Моисея Гумилевского [5, S. 342].

Нам представляется функционально-стилистический подход к проблеме более правильным и более оправданным, прежде всего с точки зрения языковой ситуации XVIII века, а не с точки зрения современных представлений об этой ситуации. Если рассматривать церковнославянский не как «язык», а в сфере сложных отношений стиль – жанр – текст, то все встанет на свои места. Можно согласиться с существованием определенного напряжения в языковой сфере, обозначенного как «двуязычие in potentia», но остается дискуссионным вопрос, перешло ли оно в «двуязычие in actu». По крайней мере для XVIII века ситуация с церковнославянским языком привязана прежде всего к проблеме становления языка духовной литературы и решается в рамках этой проблемы.

Конечно, для писателей XVIII века была очевидна стратификация русского литературного языка. Так, например, монах Серапион, переписавший уже в XIX в. компилированный текст Ареопагитик (ГИМ, Симоновское собр., № 6) или сам явившийся этим компилятором (рукопись завершают традиционные слова переписчика, «грешного и недостойного иеромонаха Серапиона» – л. 287 об.), в своем предисловии утверждает, что тексту этому более приличествует «славенский»: «**Да изречется же нынѣ и в разнствѣ Главенскаго языка съ Русскимъ**» (л. 2). Видимо, основным его аргументом является не утраченное еще в сознании достоинство (термин Р. Пиккио) церковнославянского, поскольку далее он просто приводит таблицу сопоставлений слов и выражений

«Славенскаго Дialecta» (sic!) и «Русского Языка» (например, **Б(о)гословныѣ подизвбраженіѣ – Б(о)гословскія наставленія, Образное в(о)гословіе – Бимволическое в(о)гословіе, Б(о)гословныѣ сложеніѣ – Б(о)гословскія начала** и т. п.). Таким образом, становится ясным, что для него различия в «славенском» и «русском» важны в ситуации выбора лексических средств и их использования и с оглядкой на закрепленное традицией достоинство «славенского».

Однако расхождения между хронологически близкими переводами XVIII века, обусловленные разным пониманием места и роли церковнославянского языка в его отношении к секуляризованному литературному языку, достаточно велики. Все эти расхождения подводят нас к следующим выводам:

1) язык духовной литературы консервативен: в нем не только дольше проходят отдельные процессы, но и сам он склонен сохранять свою самость, (церковнославянскую) традицию, создающую ситуацию двуязычия *in potentia*, которая никак не может реализоваться *in actu*;

2) этой реализации мешает как осознание достоинства церковнославянского самого по себе, так и приличествование его текстам духовных жанров;

3) переводчики, избирая для своих переложений церковнославянский язык, останавливаются на нем свой выбор не как на системе, но как на «тексте-образце» – в лучших традициях этого языка, поэтому и получаются столь разные конечные результаты;

4) в свою очередь это свидетельствует о том, что невозможно более воспринимать «текст-образец» в средневековом смысле: синкретичное единство текст-жанр-стиль распадается к этому времени окончательно, и, чтобы создать текст определенного жанра, приходится искать нужный стиль; «текст-образец» – это фактически категория стилистического плана, которая к тому же позволяет формировать и стиль индивидуальный;

5) поиски переводчиков, ориентировавшихся на образцы церковнославянские, и выбор Моисеем (Гумилевским) в качестве языка перевода нового русского литературного языка с элементами церковнославянского – явления одного плана;

6) таким образом, вопрос о двуязычии снимается, если перевести его в жанрово-стилистическую сферу: разница между «славенским диалектом» и «русским языком», безусловно, ощущается переводчиками, но функция «славянского» (в отношении с «русским») и сфера его функционирования в XVIII в. до конца еще не определены.

Итак, переводные памятники богословской литературы были в XVIII в. своеобразным мостом между новым русским литературным языком и церковнославянским языком богослужения, так что применительно к этому времени невозможно говорить о ситуации двуязычия (русский и церковнославянский). Но и в богословских сочинениях церковнославянское начало, проявляющееся в основном в лексике, становится все более стилистическим фактором, а язык этих сочинений постепенно русифицируется. То, что в XVIII в. считалось образом стиля (подражание тексту-образцу, восстановление достоинства церковнославянского языка), становится в XIX в. самым стилем – и с этого момента можно говорить об осуществившемся двуязычии. Церковнославянский язык в своей консервативной форме остается языком богослужения. Русский литературный

язык, воспитанный церковнославянским, идет путем секуляризации, но не теряет связи с той языковой стихией, из которой он вышел. Говоря словами Н.А. Мещерского, «неисчислимо то языковое и стилистическое богатство, которое получено современным русским литературным языком от древнеславянского письменного языка, служившего общим литературно-письменным языком всех южных и восточных славян с XI по XVIII вв. и разработанного в грамматических, лексических и стилистических нормах на основе преимущественно переводных памятников письменности» [6, с. 4].

Сегодня, когда интерес к богословским переводным памятникам резко повысился, вновь встает вопрос об их языковых особенностях и их стилистическом статусе. И решать этот вопрос необходимо с учетом исторического пути языкового развития произведений данного жанра.

Статья подготовлена при поддержке гранта Президента РФ молодым ученым-кандидатам наук МК-3768.2007.6.

Summary

N.G. Nikolayeva. The Problem of the "Sacred Language" in 18th Century.

The article views the main language features of the translated 18th-century theological literature, which was the critical stage in Slavonic-Russian literary language history. The central problem of the paper is considered in aspect of formation of the stylistic system in its modern understanding. The topicality of this theme depends on the fact that some questions of the theological literature style remain unresolved till now.

Key words: Byzantine theology, Areopagitica Slavica, Church-Slavonic language history, stylistic system development.

Литература

1. *Трендафилов Х.* «Богословие» Иоанна Дамаскина в литературе Древней Руси: Дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1994. – 363 с.
2. *Живов В.М.* Язык и культура в России XVIII века. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 591 с.
3. *Шанир М.И.* Теория «церковнославянско-русской диглоссии» и ее сторонники: По поводу книги Б.А. Успенского «История русского литературного языка (XI – XVII вв.)» // *Russian Linguistics*. – 1989. – V. 13, No 3. – P. 271–309.
4. *Freydank D.* Die kulturhistorische Bedeutung des Kirchenslawischen beim Aufbau des Russischen // *Tausend Jahre Christentum in Russland: Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1988. – S. 347–355.
5. *Keipert H.* Die Christianisierung Russlands als Gegenstand der russischen Sprachgeschichte // *Tausend Jahre Christentum in Russland: Zum Millennium der Taufe der Kiever Rus'*. – Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht, 1988. – S. 313–346.
6. *Мещерский Н.А.* Источники и состав древней славяно-русской переводной письменности IX – XV вв. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 112 с.

Поступила в редакцию
31.01.08

Николаева Наталья Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии Казанского государственного университета.

E-mail: Natalia.Nikolaeva@ksu.ru